

VII. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 392.81

В.Ю. Корнева

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЗЕРНОВОГО КОДА В МАНТИКЕ РУССКИХ

На основе предложенной автором структуры обряда гадания анализируются растительный и кулинарный код зерна в ритуальном календаре русских. Выявляются и сравниваются периоды наиболее активного обращения к гаданию. Определяется специфика зимней, весенней и летне-осенней мантики.

Ключевые слова: зерно, мантика, календарная обрядность.

Символика культуры – одна из распространенных в научной гуманитарной среде тем исследований. Процесс окультуривания природного пространства человеком связан с созданием символов как в материальной, так и в духовной сферах культуры. Исследование символов этнической культуры позволяет реконструировать мифологические сюжеты и традиционные представления этноса. Знаковой средой, несущей в себе наиболее архаические черты культуры народа, в этнографии признаны блюда традиционной кухни, приготовленные на основе зерна. Они – форма выражения самости русских. В этой связи исследование знаковой природы зерна, или зернового кода в различных его формах, является научно значимым направлением в этнологических исследованиях. Зерновой код в статье рассматривается в двух качествах – растительного кода (зерно, колос, снопы) и кулинарного (кутья, каша, хлеб, блины, обрядовое печенье). Основные параметры исследования заданы календарной обрядностью, поскольку в обрядовой сфере знаковая вещь достигает своего апогея. Из всех обрядовых действий внимание сосредоточено на мантике. Последняя рассматривается в антропологическом аспекте, т.е. применительно к предстоящим событиям, касающимся социальных коллективов и их отдельных членов. Данный аспект незначительно освещен в историографии.

Мантику, или гадание, А.К. Байбуурин определил как ритуальный способ определения доли человека на следующем этапе его жизни [1. С. 125]. Гадания направлены на важнейшие жизненные сферы, предстоящую событийность которых человек пытался узнать. Как отмечал В.Я. Пропп, уже в XIX в. основным предметом гаданий был не урожай, а личная судьба гадающих [2. С. 107].

Праздники зимнего цикла, и в большей степени Святки (Сочельник, Рождество, Васильев день, Новый год), являлись одним из важных периодов в проведении обрядов, направленных на узнавание своей судьбы. Структура зимних гаданий включает в себя следующие элементы. Во-первых, субъект, или гадающий. Во-вторых, объект, на который направлено действие субъекта, в роли которого выступают потусторонние сверхъестественные силы.

В-третьих, граница между двумя мирами – реальным, в котором обитает субъект, и потусторонним, с которым связан объект – как контактная зона, обеспечивающая главное условие гадания. В-четвертых, знак в виде зернового кода. В-пятых, значение знака, часто определяемое действиями обрядовых персонажей.

В зимний период зерновой код представлен обеими своими ипостасями – растительной и кулинарной. Обязательным элементом гадания выступало зерно, обмолоченное или в колосе. Гадали также на каше и кутье, различных видах выпечки. Знаковость выпечке часто придавала начинка, в качестве которой выступали каша, монетка, крестик. Знаки зернового кода в мантике служили обозначению будущих событий, судьбы. Например, зерно, колос были признаками богатого жениха, счастья, горшок с полной кашей – достатка и счастья в семье. Для того чтобы понять механизм закрепления символики достатка за блюдами, изготавливаемыми на основе зерна, обратимся к семантике некоторых из них. Зерно традиционно связывают с плодородием, средоточием вегетативной силы [3. С. 183; 2. С. 16]. Относительно символики хлеба еще А.А. Потебня писал, что он является наиболее сакральным видом пищи, символом достатка, изобилия. Одновременно он мыслился как дар Божий, «он сам есть живое, божественное существо» [4. С. 40]. Ассоциативная связь мифологического мышления славянина-язычника, соединяющая хлеб с достатком, богатством, неслучайна. Хлеб – основа земледельческой культуры: есть хлеб – есть и жизнь как физиологическое понятие. Достаток хлеба или его избыток – вот то, что формировало в культуре понятие «благо-состояние», отсюда ассоциация хлеба со счастьем, благополучием. Видимо, к этой же области мифологических ассоциаций примыкают другие знаки зернового кода – колос, каша, выпечка с начинкой из каши.

Высокий семиотический статус зернового кода в зимней мантике имеет, по мнению автора, двойственную природу. У таких знаков зернового кода, как кутья, сочни с кашей и другая выпечка на Рождество, символичность, очевидно, обусловлена их связью с умершими предками и, соответственно, чужим пространством. По мнению ряда исследователей, Рождество связано с поминальными культами [1. С. 130; 5. С. 400]. При этом кутья наиболее сильно и отчетливо отразила связь с поминальными обрядами и культом предков. По мнению Л.Н. Виноградовой, только через посредничество потусторонних сил, через контакт с умершими предками можно заглянуть в будущее [6. С. 14].

Иную природу знаковости имеет кулинарный и ботанический код зерна в праздник Нового года. М. Элиаде и В.Н. Топоров трактовали его как точку обновления мира и важнейший обряд в жизни традиционного коллектива, возвращающий к «началу» времен. Человек становится участником событий первотворения, современником богов, вступая в пределы сакрального времени [7. С. 57; 8. С. 28; 9. С. 15]. Приготовленная в этот сакрально значимый отрезок народного календаря выпечка – кресты, «свинки» – автоматически приобретала статус ритуального, знакового предмета. Высокая степень сакральности в сознании носителей культуры наделяла выпечку способностью осуществлять посредничество в гадании и указывать на знаки-предзнаменования. Иными словами, новогоднюю выпечку сакрализовала магия на-

чала, присущая самому празднику как пространственно-временному перелому календаря – переходу от старого года к новому.

Границу в мантике зимней календарной обрядности маркируют различные символы, в том числе такие общепризнанные, как дверь и порог. Есть все основания причислить к ним печь. В гадании с кашей на Васильев вечер, приуроченный к восьмому дню Святков, она выступает в качестве пограничья, порубежья между мирами [10. С. 81]. Узнавали о счастье и благополучии семьи в предстоящем году по характеру изменения каши в процессе ее термической обработки в русской печи. Приготовление каши строго регламентировалось обрядом. А.Н. Афанасьев подчеркивал мировоззренческую связь очага и умерших предков [11. С. 33–37]. Толкование запрета на выгребание золы из печи в праздник Троицы как нельзя лучше подтверждает указанную связь – «души родителей могут обжечься» [12. С. 8]. А.К. Байбурин расширил семантическое поле связи, указав на печь как «канал связи» с иным миром, место пересечения двух миров [1. С. 116, 125, 216]. Соглашаясь с мнениями исследователей, можно заключить, что ритуал Васильева вечера мыслился как передача с «того света» информации о будущей судьбе семьи умершими предками через очаг и посредством каши. Использование различных видов выпечки тоже можно трактовать в контексте актуализации символики печи как канала связи с иным миром.

Еще один маркер границы между пространствами реальным и потусторонним – сон. Существовал обычай обсыпания девушек в ночь под Новый год священным зерном, чтобы увидеть во сне суженого [13. С. 92]. Тем самым сон становился частью сакрального пространства в ритуале, целью которого было узнавание будущего. Содержание сновидения приобретало статус знака будущего, что вполне согласуется с представлениями о вещих снах. Существовали даже обряды, которые предотвращали реализацию плохих снов [14. С. 444–445]. Во время святочного периода, связанного с активностью потусторонних миров в виде предков, персонажей христианских легенд, сон приобретал, пользуясь терминологией А.К. Байбурина, высокий семиотический статус и символизировал четче очерченную границу мировоззренческих миров. С точки зрения границы можно проанализировать и святочное гадание у колодца с использованием «горбушки» хлеба. По мнению исследователей, колодец – объект, осмысляемый как пограничное пространство, канал связи с потусторонним миром. При этом символика колодца в различные даты и праздники связывалась как с нечистой силой, так и с предками [15. С. 235–236].

Как видим, граница проявляет себя очень активно в мантике зимней обрядности и реализуется через разнообразные символы. Именно она решительным образом влияет на сверхъестественное, призывает его к диалогу, благодаря которому и удается заглянуть в будущее, приоткрыть завесу таинственности над предстоящими событиями. С учетом особого значения элемента границы в структуре обрядов зимней мантики ее можно определить как магию границы. Значение зернового кода в гаданиях цикла зимних календарных обрядов во многом определяется действиями особых персонажей – собаки, петуха или курицы. Рассмотрим их. Установлено, что в похоронных обрядах курица семантически связана с загробным миром и служит

воплощением души покойного [16. С. 330]. Возможно, зимние гадания с курицей или петухом указывают на посредническую роль в узнавании судьбы мира мертвых. Это тем более вероятно, если учитывать общую знаковуюсть времени Святков, и в частности Рождества, как особого периода активизации в реальном мире потусторонних сил – предков, темных сил и т.п. Собака в традиционном мировоззрении русских тоже связана с потусторонним миром как в его положительных, так и отрицательных формах проявления. Собака мыслится способной видеть нечистую силу и отпугивать ее [14. С. 440–441]. Таким образом, присутствие указанных животных в зимней мантике вполне закономерно и объяснимо.

Перейдем к рассмотрению весеннего календарного периода. Он также отмечен присутствием обрядов узнавания судьбы на Сретенье, Масленицу, Средокрестье. При этом в основном использовали печенье – «кресты», «жаворонки», с «начинкой» в виде зерна, денег, круглые шарики из кислого, пресного пшеничного или горохового теста – «сорокоушки», блины. Как видим, использовались только знаки зернового кода в виде выпечки. Если в зимнем календаре были распространены знаки ботанического кода (зерно, колосья), то весной они не встречаются. Зерно переходит в область начинок для печенья, исчезая как код растительный и приобретая статус кода кулинарного. В менее развитом варианте сохраняется Пятичленная схема обряда, но выражена она минимально. Таким образом, невыраженность схемы ритуала гадания, использование более поздних по возникновению видов пищи, прошедших многократную обработку, свидетельствует о том, что весна как календарный обрядовый цикл – вторичный, более поздний период по сравнению с зимним как временем, наиболее благоприятным для установления контакта между мирами с целью гадания.

Следующий цикл гаданий связан со временем летне-осенних уборочных работ. В жатвенной обрядности распространены знаки ботанического кода: первый сноп нового урожая, последний сноп – «борода», зерна, колосья, горсть как мера убранных колосьев. В народном сознании все, что было изготовлено из зерен нового урожая, служило символическим воплощением некой плодоносящей квинтэссенции жизненной энергии [17. С. 79]. В культуре эти предметы наделялись высокой степенью сакральности. Видимо, этим и обусловлено их участие в гаданиях. Роль субъекта преимущественно играют незамужние девушки и беременные женщины. В качестве объекта мантики выступает земля. В структуре осенних гаданий воздействие на землю связано с магией начала. Осень – время сбора созревшего нового урожая и одновременно начало нового природного цикла земли – подготовки к будущему урожаю, засев полей озимой рожью. С этим, видимо, связана актуализация в гаданиях фигуры девушки и беременной женщины, которые тоже находятся в состоянии подготовки к новому природно-физиологическому циклу в их жизни как будущие жены, матери, продолжательницы рода. Народное сознание отождествило начало нового природного цикла земли, связанного с рождением зерна, с природным циклом женщины, связанным с рождением новых членов социального коллектива.

В мантике летне-осеннего времени актуализируются персонажи, характерные для этого времени года, – букашки, жуки. Их наличие или отсутствие

определяет положительное или отрицательное значение знака. В роли определителя выступает также такая характеристика знака, как чет или нечет. Несколько видоизменяется структура гаданий. В осеннем цикле почти не присутствуют ритуалы, связанные с магией границы. Лишь сон зафиксирован как пограничное состояние между двумя реальностями и составная часть ритуала, символ границы, через которую передается информация, знаки о будущем.

Итак, судя по имеющимся в нашем распоряжении эмпирическим материалам, гадание с использованием знаков зернового кода касалось в целом семьи – ее благополучия, счастья, достатка и ее отдельных членов – личной судьбы девушек и парней, беременных женщин. Антропологическая направленность мантики проявляется наиболее отчетливо в зимний и летне-осенний периоды. Утилитарная актуальность святочных гаданий о замужестве была, очевидно, связана с предстоящим периодом свадеб на «зимний мясоед». Ритуальное закрепление темы, связанной с разрешением от бремени и рождением нового человека, в летне-осенней мантике обусловлено жизненным циклом женщины, которая вышла замуж в зимний мясоед.

В зимних и летне-осенних гаданиях преобладает магия начала, но при этом оно имеет разное содержание. В зимних гаданиях подчеркивается пространственно-временной перелом в календаре, символизирующий переход к новому циклу бытия. Главным является кулинарный зерновой код. Его использование предполагает установление связи с умершими предками. В зимних гаданиях активно используются животные (петух, курица, собака), чья знаковость также связана с потусторонним миром. Общение с ним благодаря умершим предкам обеспечивает возможность взглянуть в будущее. По этой причине особое значение приобретает символика границы – дверь, порог, колодец, сон, но прежде всего печь. Зимняя мантика основана на магии границы.

Гадания по случаю уборки урожая тесно связаны с матерью-землей, чей природный цикл начинает свой новый виток, определяемый рождением зерна для последующего урожая. Очевидно, по этой причине актуализируется фигура будущей женщины-матери, получают особое распространение обряды гадания на замужество, будущие роды, судьбу новорожденного ребенка. Задействованным оказывается растительный зерновой код, тесно связанный с природным началом. Мантика осени основана на магии земли. Знаки зернового кода, исполняющие функцию предзнаменования будущего, символизировали богатство, счастье, достаток и т.п. Такая ассоциация мифологического мышления славянина-язычника обусловлена зерном и хлебом как жизнеобразующими категориями земледельческой культуры.

Литература

1. *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука. 1993. 240 с.
2. *Протт В.Я.* Русские аграрные праздники. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 142 с.
3. *Усачева В.В.* Зерно // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 183–185.
4. *Потебня А.А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865. 309 с.
5. *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 507 с.

6. *Виноградова Л.Н.* Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточнославянские параллели) // Славянский и балканский фольклор. Обряд. Текст. М., 1981. С. 13–43.
7. *Элиаде М.* Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 314 с.
8. *Элиаде М.* Аспекты мифа. Ульяновск: Инвест-ППП, 239 с.
9. *Топоров В.Н.* О ритуале: Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннесредневековых памятниках. М., 1988. С. 7–60.
10. *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов. М.: Эксмо, 2005. 253 с.
11. *Афанасьев А.Н.* Народ-художник: миф, фольклор, литература. М.: Советская Россия, 1986. 368 с.
12. *Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Западной Сибири как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая четверть XX вв.). Новосибирск: Наука, 2003. Ч.2. 268 с.
13. *Воронина Т.А.* Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 78–101.
14. *Гура А.В.* Сон // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 444–446.
15. *Валенцова М.М., Виноградова Л.Н.* Колодец // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2002. 235–237.
16. *Голубкова О.В.* Орнитоморфный символ души: курица в похоронном обряде // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск, 2007. С. 331–333.
17. *Черных А.В.* Куединские праздники в календарной обрядности Куединского р-на Пермской области в конце XIX – первой половине XX в. Пермь: ПОНИЦАА, 2003. 191 с.